

УДК 94(575.2):340.141

НАЧАЛО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НАРОДНЫХ СУДЕЙ У КЫРГЫЗОВ

С.М. Слесарев

Раскрываются характерные черты системы народных судей после присоединения Кыргызстана к России.

Ключевые слова: бии; манапы; судопроизводство; адат; российская судебная система.

STARTING PERIOD FOR PEOPLE'S JUDGE SYSTEM OF THE KYRGYZ

S.M. Slesarev

The article describes the characteristics of people's judges after joining the Kyrgyzstan to Russia.

Key words: bies; manaps; court proceedings; adat; the Russian judicial system.

С образованием в 1865 г. Туркестанской области, а в 1867 г. – Туркестанского генерал-губернаторства началось утверждение российских порядков во многих сферах жизнедеятельности кыргызского общества. Было разработано Временное положение об управлении краем (1867 г.), по которому в судебной части вводилась система избрания биев сроком на три года в аилах и волостях, при этом российским начальникам запрещалось вмешиваться в судопроизводство и оказывать влияние на биев. Таким образом, отдельные элементы общероссийской судебной реформы (1864 г.) были внесены в традиционный суд у кочевников. При этом надо отметить, что новые судебные порядки в России отличались чрезвычайно либеральными установками, что явилось одной из главных причин роста терроризма и нигилизма в 70-е гг., в конечном итоге закончившемся убийством Александра II Освободителя.

Сохранение суда биев у кочевников было вполне оправданным решением, так как должен был пройти достаточно длительный период, в течение которого кочевники постепенно привыкли бы к новому управлению и оценили, как считали власти, преимущества российской судебной системы. Однако такие новые элементы, как выборность судей и неподотчетность их исполнительной власти привели к несколько иным результатам. Так, до присоединения к России у кыргызов “звание бия приобреталось не вдруг, но со временем, когда несколькими разборами дел киргиз выкажет свой ум и справедливость” [1, с. 197] и “за несправедливое решение дела бием он лишился доверия своих родичей, а следовательно, и звания бия” [1, с. 169].

В результате же проведения административно-судебной реформы оказалось, что “большая часть биев была не подготовлена к исполнению своих обязанностей, что произошло вследствие увеличения новым Положением их количества и разделению администрации от суда, так как наилучшие судьи прежде бывшего управления попали на должность волостных управителей” [2, л. 21, об.]. Кроме того, на процесс выборов биев оказывали огромное влияние манапы-родоправители, под давлением которых, как правило, выбирали удобных их лиц, что, помимо прочего, объяснялось тем, что “народ не развитой при выборах всегда склоняется на сторону лиц более ловких и расторопных, не обращающая внимания на качества, необходимые должностному лицу” [2, л. 22–22, об.].

Помимо вышесказанного российские власти слабо понимали всю специфику господствовавших у кыргызов родовых отношений, а также связанных с ними особенностей менталитета. Так, например, родственники одного кыргыза хотели получить кун с его жены, которая якобы умертвила младенца, при этом не принималось во внимание, что она родила прежде времени и что муж никаких претензий к ней не высказывал [2, л. 24]. Следовательно, в отличие от русских, у которых ответственность за ребенка несли только его родители, у кыргызов это распространялось на весь род. В отношении же нравов кыргызов отмечалось, что “киргизы вспыльчивы, ссоры и драки повторяются очень часто, так что трудно встретить хотя бы одну голову или лицо без знаков из какой-нибудь стычки; но нередко знаки эти бывают от того, что потерпевший в драке киргиз увечится головой об камень

или порежет себя ножом, и таким образом является на суд”, но это делали и другие участники потасовки, поэтому “киргизу, дабы досталось неприятелю своему, ничего не стоит раскроить себе череп так, что трудно поверить, что человек решился так мало дорожить самим собою” [2, л. 35, об.]. Также на отношение к суду влияла и специфика кочевого хозяйства, при которой значительную часть времени взрослый мужчина оставался свободным от каких-либо обязанностей. Поэтому, чтобы заполнить досуг и если не было других развлечений (свадьба, разбор дела бием, поминки, драки и т. д.), то он “вспомнит какое-нибудь старое дело с товарищем, где после баранты или чабара его обделили, и отправится к бию взыскивать и упорно настаивать, чтобы на отказывающего товарища наложили присягу, так как с наложением оной у него остаются все какие-то шансы сорвать что-нибудь с товарища; ибо не любя выставлять присяги, киргизы охотно идут на мировую, хотя бы дело было совершенно чистое, ибо надо ехать уговаривать назначенного к присяге принять оную, да он еще будет артачиться, да еще потребует подарки за присягу; лучше же на чем-нибудь помириться. Не остается и подобных дел, он вспомнит, что когда-то кому-то дал в подарок по тамырству (дружбе) лошадь или ямбу, а он не подарил ему ничего; и вот он отправляется к этому тамыру просить подарок, наконец, требует и отказывающего тянет в суд” [2, л. 37, об. 38].

Все вышеперечисленные особенности киргизов в отношении судебных дел не могли проявить свои негативные моменты в кокандский период, так как фактически кокандские чиновники не вмешивались во внутренние дела киргизов и ограничивались, как правило, сбором налогов и, если была необходимость, созывали ополчение для ведения войны. Следовательно, родовая организация киргизского общества оставалась неизменной и судебные дела решались между родами и племенами на основе давно сложившихся обычаев, причем в отличие от российских установок манапы-родоправители имели право вмешиваться в судопроизводство и решать дела по своему усмотрению, т. е. никакого разделения исполнительных и судебных полномочий не существовало, что в общем и неудивительно, так как сам институт манапства представлял собой усиление исполнительных функций биев-родоправителей, которые по отношению к другим биям рода выступали как высшая судебная инстанция.

По замыслу российских властей административно-судебная реформа должна была серьезно ослабить политическое влияние манапов, однако на деле этого не произошло по ряду причин. Во-первых, разделение киргизов на волости и адми-

нистративные аилы привело к тому, что теперь манап-родоправитель получил официальные полномочия вмешиваться в дела другого рода, при этом не важно было, избран он волостным или нет; во-вторых, в судьи избирались, как правило, указанные им люди, которые, обладая такой поддержкой могли и решали дела исходя из интересов того рода, который количественно преобладал над другими в той или иной волости; в-третьих, абсолютно не понимая принципа независимости судей от исполнительной власти, киргизы очень скоро стали воспринимать таких манапов на уровне уездных начальников, а иногда и выше.

Помимо всего прочего надо отметить, что процесс судопроизводства у киргизов заметно отличался от российского и характеризовался чрезмерной упрощенностью и наивностью. Так, наиболее распространенным средством решить дело являлось наложение присяги на ответчика, при этом истец должен был выбрать вид присяги и наиболее почетного родственника ответчика, который и должен был бы дать присягу. Как правило, принесение присяги редко происходило, так как “большинство киргиз искренне верили, что Бог и духи не допустят принять ложной присяги и присягнувший ложно должен умереть во время наложения ее” [2, л. 23, об.], поэтому “истец довольствуется тем, что узнает, что присяжный готов принять присягу и отказывается от иска; если же присяжный отказывается принять присягу, то дело считается выигранным и ответчик уплачивает по решению бия” [2, л. 23 об.]. Неудивительно, что при таком положении дел находились “смелые и ловкие люди”, которые пользовались такой доверчивостью и отдавали ложные присяги. При этом надо отметить, что свидетельские показания считались предсудительными и айгак (доказчик) подвергался мощной общественной обструкции. В то же время к доносам относились вполне терпимо и за “несправедливый по ошибке (!) донос доноситель не подлежит наказанию, но если от этой ошибки понесены убытки на кого доносили, то доноситель должен их возместить” [1, с. 170]. Также вызывает улыбку то, что “полученный бием после и прежде решения дела подарок, если только этот подарок не имел влияния на решение, не почитается лихоимством и принятие его бием в вину не вменяется” [1, с. 169–170].

Ввиду того, что разделения на уголовные и гражданские дела в традиционном судопроизводстве не существовало, то все иски, если они признавались оправданными, удовлетворялись куном за убийство и айыпом – за все остальные правонарушения. При этом штраф складывался из трех компонентов: “1) убытки, причиненные самим деянием лицу или обществу; 2) убытки (чигым) как

последствие совершенного преступления (судебные издержки); 3) возмездие за содеянное зло (айып)” [1, с. 163].

Четко определенных критериев, сколько скота надо выплачивать в том или ином случае, не существовало, и бии решали дела исходя из прошлых прецедентов либо руководствовались иными соображениями, зачастую весьма далекими от справедливого решения дела. Обращает на себя внимание абсолютная несоразмерность, когда “воровство одной лошади, быка, барана точно также вело к наложению айыпа в 17 скотин, как и за воровство 10, 20, 100 голов” [2, л. 24, об.]. Таким образом, выгоднее было угнать большее количество скота, к тому же во время барымты часть скота погибала, так как, опасаясь преследования, налетчики гнали скотину с максимально возможной скоростью.

Все эти особенности наглядно были продемонстрированы на волостных съездах биев, проведенных в 1869 г. на Сусамыре и Сон-Куле. Так, согласно рапорту старшего чиновника для особых поручений капитана Рейнталя, на этих съездах “самое большое участие принимали не бии, а лица влиятельные, с самым дурным направлением и корыстолюбивые. Народ... понимал, что действия съезда были не сообразны с законом, потому что противоречили здравому смыслу, а как на съезде была русская власть, то протестовать не мог. Так, все киргизы были уверены, что Шабдан Джантаев находился на съезде за уездного начальника, а следовательно имел право делать все, что хотел: решать, отбирать скот и прогонять просителей, а главное садить на гауптвахту” [3, л. 5]. После чего народ понял, что и джигит Шабдана Баяке, сарты Тугулук-ходжа и Маткерим также являются биями. Кроме них к группе Шабдана принадлежали манапы Каракесек, Карчи и Андас, а также бии Джанчура, Базаркул, Бактияр, Шааке. Прочие же бии “если и допускались к присутствию на решениях, то по предупреждению, что за всякое неуместное слово окажутся на гауптвахте и бийлик им не полагается” [3, л. 6].

Такому положению дел во многом способствовала довольно странная позиция, занятая уездным начальником майором Лисовским, присутствовавшим на съездах; с одной стороны, он, прикрываясь буквой закона, не вмешивался в судопроизводство и не принимал жалоб на противозаконные действия группировки Шабдана Джантаева, а с другой – предоставил аксакалу Маткериму и Тугулук-ходже право собирать бийлик в свою пользу, а также Маткериму собрать со всех волостных по 1 лошади и 24 рубля, чтобы покрыть его издержки за байгу в честь губернатора во время его посещения Токмака [4, л. 11]. В результате Маткерим по окончании съезда увел к себе 150 лошадей.

Обращают на себя внимание те полномочия, которые присвоили с молчаливого согласия Лисовского оба сарта. Так, сарт Керибан-баши придумал, что известный манап Рыскулбек 15 лет назад взял у него какие-то товары и не расплатился, Тугулук-ходжа подтвердил это и взыскал с Рыскулбека лошадь, а через несколько месяцев спустя с сына Рыскулбека Дикамбаю опять за то же самое в Токмаке взяли 17 рублей [4, л. 11]. Кроме того, Тугулук-ходжа обвинил айильного старшину Табалды, что он ограбил его приказчика и присудил в свою пользу 25 лошадей и 60 баранов, при этом он не согласился, чтобы была принесена присяга, как это предписывалось обычаем и законом [4, л. 14, об.]. Вообще же, Тугулук-ходжа “специализировался” на решении дел, связанных с сартами, и “в этом случае он не допускал ставить свидетелей ответчика, а решал на том основании, что ему самому известно об этом все; таким образом, не разбирая жалобы сартов, он присуждал им получать с киргиз в несколько раз больше, чем была сумма иска” [4, л. 10].

Стоит отметить, что на Сусамырском съезде собрались бии, истцы и ответчики от 15 волостей, всего – несколько сотен людей. Однако, судя по многочисленным жалобам после съезда, пострадала от предвзятого судейства в основном Кульчугаевская волость. Кроме того, все расходы по проживанию собравшихся были возложены на Кетмень-тюбинскую волость, которые составили около 1 тысячи баранов, при этом заплатил только Лисовский за себя и своих джигитов – 11 рублей за 50 баранов [4, л. 10]. Исходя из того, что Шабдан Джантаев и его приспешники были из сарыбагышей и солто, то и дела решались в соответствии с этим, т. е. соплеменники “почему-то” всегда оказывались правы в тяжбах с другими родами. Так, солтинец Ураз взыскал с Мамотбека (Кульчугаевская волость) 11 лошадей за якобы украденную лошадь в 1863 г., а у Ильбирса, из той же волости, силой отобрали 6 лошадей, 2 барана, халат и работника – в обоих случаях ответчики не были допущены к майору Лисовскому, а во втором – и до судебной процедуры [4, л. 13, 18].

Шеримбек (Кульчугаевская волость) и еще 12 человек угнали в кокандское время у Кунту (солто) 15 лошадей за чабар солтинцев, теперь же с них взыскали 84 лошади и 1 жеребенка, а за грабеж Кунту никакого айыпа не было наложено [4, л. 14, 14, об.].

Помимо сведения межродовых счетов привлекают внимание некоторые дела, которые решались против всяких обычаев и законов, т. е. только по произволу судей. Так, по показаниям Каратая, около 50 лет назад его дед просватал дочь за предка

Наймара, но почему-то не выдал. Было составлено на бумаге решение дедов жениха и невесты оставить дело без последствий. Однако на съезде младший помощник уездного начальника Саурамбай эту бумажку порвал, а дело решал бий Бактияр из рода Саурамбая, и с Каратая было взыскано 18 лошадей [4, л. 15, об., 16]. Кучке с Толкомбая взял без всякого решения 11 лошадей за то, что он будто бы украл у него кобылу с жеребенком, и предупредил, что если Толкомбай будет жаловаться Лисовскому, то заплатит вдвое больше [4, л. 16]. Особенно же вызывает удивление, когда Атай по решению Саурамбая был вынужден заплатить кун в 20 лошадей, 50 баранов, 1 верблюда за “убийство” Катангана, хотя тот был жив, при этом судье досталось из всего куна 10 лошадей [4, л. 13, 13, об.].

Подобный произвол происходил и на Сонкульском съезде, где дела в основном решали Шабдан Джантаев, Бактияр (Тынаевская волость), Джанчура (Солтинская волость), Ильтай (Темирбулатовская волость), т. е. сарыбагыши и солто. Теперь же наиболее пострадавшей оказалась Курманходжанская волость, при этом надо отметить, что рядом с юртой Лисовского стояли джигиты Шабдана, не допускавшие никого к нему с жалобами [5, л. 25]. Кроме того, казаку Кашкарову (повар Лисовского) и уряднику Павлову бии подарили соответственно 3 и 2 лошади [5, л. 28], что тоже наводит на определенные размышления.

Характерной особенностью первых волостных съездов при российской власти явились многочисленные просьбы женщин о разводе, так как было слишком много работы по хозяйству, на что простые кыргызы говорили, что “тогда бедные останутся без жен, так как все они уйдут к богатым” [2, л. 36, об.]. Такие опасения были вполне реальны, потому что на обоих съездах бии быстро решали подобные дела, предписывая получить с мужа 9 лошадей и разрешить выйти замуж за другого [4, л. 11]. Особенно показателен в этом отношении был Сусамырский съезд, где при разводе с мужа и его родственников взыскивали 34 лоша-

ди, 60 баранов, 5 быков и 4 верблюда, из которых аксакалу Маткериму достался 1 верблюд и 8 лошадей [4, л. 20, об., 21].

Как уже отмечалось, размер кунов и айыпов определялся очень произвольно, но в среднем колебался в 7–10 раз больше по отношению к убыткам и искам. Хотя на Сонкульском съезде за долг в быка и барана было взято у одного кыргыза 16 лошадей, 10 быков и 60 баранов [5, л. 22].

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Административно-судебная реформа 1867 г. в Туркестанском крае, направленная на ослабление власти манапов-родоправителей, на практике привела, по крайней мере на первых порах, к ее усилению, так как теперь они получили законное право вмешиваться в дела других родов.

2. Исходя из особенностей ментальности кыргызов, такие манапы, как Шабдан Джантаев, стоявшие близко к российским чиновникам, а также благодаря тому, что по Положению 1867 г. исполнительная власть не вмешивалась в судебные дела, получили возможность, прикрываясь законом, сводить старые межродовые счета.

Литература

1. *Загряжский Г.* Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву (зан) / Г. Загряжский // *Материалы для статистики Туркестанского края.* Вып. IV. СПб., 1876.
2. *Обзор Иссык-Кульского уезда за 1869 г.* // ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 9. Д. 56.
3. *Рапорт старшего чиновника для особых поручений капитана артиллерии Рейнталя военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому от 7 марта 1870 г.* // ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Д. 20.
4. *О съезде на Сусамыре* // ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Д. 20.
5. *О съезде на Сон-Куле* // ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 2. Д. 20.